

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Г.Р.ДЕРЖАВИНА

**ТАМБОВСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО:
ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ
(вторая половина XIX – начало XX вв.)**

Сборник научных статей

Выпуск 2

Тамбов 1998

16. Первая всеобщая перепись населения. Указ. соч. С.XIV.
17. ГАТО. Ф.105. Оп.39. Д.19. Л.39.
18. Там же. Ф.103. Оп.1. Д.4. Л.13.
19. Первая всеобщая перепись населения. Указ. соч. С.XV.
20. Устав о всеобщей воинской повинности 1897 года. Ст.64. п.1, 2, п.3 // Свод законов Российской империи, изд. 1897 г. Т.4. СПб., 1897.
21. J.Brooks. When Russia learned to read. 1861-1917. Princeton, N.J., 1985. P.22.
22. Тамбовские Епархиальные Ведомости, 1896. №41. 12 окт. С.85.
23. Гумп Элизабет М. Образование и грамотность в глубине России. Воронежская губ. 1885-1897 // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.) Материалы междунар. конф. М., 1996. С.308.

А.Л.АВРЕХ, В.Л.ДБЯЧКОВ, В.В.КАНИЩЕВ

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
КОГОРТНОГО АНАЛИЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
ПОВЕДЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв.
(на материалах прихода с.Малые Пупки Тамбовской губернии)**

Одним из важных новых направлений современной российской исторической науки становится изучение социальной истории. Под объектом социальной истории прежде всего понимается повседневная жизнь "обычных" людей в прошлом. Данное направление предполагает микроисторический подход или взгляд на историю "снизу" путем изучения житейского поведения отдельных личностей, семей, жителей конкретных населенных пунктов и других малых социальных групп.

Внимание историков России к социальной истории выявилось не столько из органического развития отечественной исторической науки, сколько под влиянием зарубежной историографии. Неслучайно первой крупной работой по социальной истории России стала книга американского историка Л.Холмса [1]. Тамбовские историки приступили к изучению социальной истории своего региона, включившись в работу над российско-голландским проектом "Интегральная история на локальном уровне". Предусматривается изучение всех аспектов жизни населения конкретного региона на основе выборочных материалов отдельных сельских и городских населенных пунктов.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 98-06-80035).

На первой этапе проводилось исследование демографического поведения прихожан церкви села Малые Пупки Козловского уезда (в приход также входила деревня, позднее село Средние Пупки). Использовалась методика когортного анализа, объектом которого стали 4 когорты по рождению (birth-cohorts) 1811, 1831, 1851, 1871 гг. по 120 человек каждая. Прослеживались изменения в процессе жизни основных демографических показателей (рождаемости, брачности, смертности) представителей этой искусственной выборки, их родителей, супругов, детей [2].

Особенностью российских демографических источников (метрических книг, ревизских сказок, исповедальных ведомостей) является то, что они фиксировали только сословный статус людей, но никак не отражали их социальное, профессиональное и имущественное положение. В М. и С.Пупках, к тому же, проживали только государственные крестьяне (ранее однодворцы), а также немногочисленные отставные и находящиеся в бессрочных отпусках солдаты, которые возвращались фактически к образу жизни государственных крестьян, из которых они происходили. В связи с этим затруднен анализ влияния социальных различий членов когорт данного прихода на их демографическое поведение. Стало необходимым выявление дополнительных источников, содержащих информацию о различных сторонах социального положения членов когорт: Источниковую базу статьи составили материалы подворной переписи 1880 г., составленные для страхования списки владельцев жилых и надворных построек 1903 г., данные нескольких обследований домохозяйств Малопуповской волости, готовившихся к выделению или выходу из общин в 1913-1915 гг., сведения сельскохозяйственной переписи 1917 г. Разнородность источников, содержащих, как правило, сведения только о единичных, нередко косвенных имущественных и хозяйственных показателях крестьянских хозяйств потребовало проведения специального источниковедческого анализа и сложных расчетов с целью определения хотя бы примерного социального статуса отдельных хозяйств. В статье предпринимается попытка наметить возможные подходы к изучению социального положения отдельных крестьянских дворов и его влияния на демографическое поведение их населения.

Перепись 1880 г. содержит ценные сведения о числе жителей ("едоков") и хлебных запасах каждого двора [3]. Некоторую сложность создает то обстоятельство, что в источнике указаны только фамилия и имя главы домохозяйства без отчества. Тем не менее

удалось выяснить домохозяйства 36 из 47 оставшихся в живых и проживавших в 1880 г. в Малых и Средних Пупках членов когорт, что позволяет считать выборку достаточно представительной.

Сведения о хлебных запасах не позволяют определить их абсолютно точные размеры, т.к. они даны в переписи и в весовых мерах зерна (четверти и меры), и в немолоченных копнах. Специальные расчеты по определению количества зерна в копнах. Произведены с учетом данных известных записок помещика Селиванова, относящихся к Зарайскому уезду Рязанской губернии первых пореформенных лет, и книги писателя С.Максимова по черноземным губерниям начала 1870-х гг. [4]. В этих материалах указан примерный намолот зерна основных российских земледельческих культур того времени - ржи, пшеницы и овса. В сведениях о хлебных запасах крестьян Малых и Средних Пупок говорится о ржи, просе, овсе и гречихе. Урожай и намолот овса и проса в крестьянских хозяйствах Тамбовской губернии обычно были примерно равны. Гречихи собирали несколько меньше этих двух культур. Отсутствие точных данных по намолоту из копен гречневых зерен не могло существенно повлиять на подсчеты, поскольку запасы гречки у крестьян рассматриваемых сел встречаются очень редко и в небольших количествах.

При формировании электронной базы данных "ХЛЕБ" были созданы специальные поля с формулами пересчета хлебных запасов в копнах в пуды зерна и суммирования их с запасами уже обмолоченного зерна. Само по себе количество зерна в конкретных крестьянских хозяйствах не характеризует их материальное благосостояние в силу весьма отличающихся размеров этих домохозяйств. Поэтому определялись запасы зерна на одного едока каждого изученного двора, которые сопоставлялись с нормой душевого производства хлебов.

В 1880 г. в Козловском уезде минимально достаточными для годового пропитания крестьянского населения считались запасы около 23 пудов на одного едока. Не менее 10 пудов нужно было оставлять на семена и другие нужды [5]. Поэтому минимальный душевой хлебный запас определяется в 33 пуда.

Социальная стратификации дворов членов когорт определяется в соответствии с анализом И.Д.Ковальченко крестьянских бюджетов Воронежской губернии конца XIX в. 1 группа - беднейшие пролетарские и полупролетарские дворы, 2 - бедные середняцкие дворы, 3 - собственно середняцкие дворы, 4 - дворы наиболее состоятельных крестьян. Валовые душевые доходы в этих хо-

зяйствах распределялись в пропорции 1:1,5:2:3 [6]. Исходя из этого, крестьянские дворы Малых и Средних Пупок распределены на четыре группы со средним душевым хлебным запасом 33 (и менее), 50, 66, 100 (и более) пудов соответственно.

Результаты: анализ социальной стратификации по хлебным запасам домохозяйств членов когорт по рождению (6% всех домохозяйств Малых и Средних Пупок в 1880 г.) 1 группа - 8 (22%), 2 группа - 5 (14%), 3 группа - 5 (14%), 4 группа - 18 (50%).

По числу едоков в каждом дворе имущественные группы выглядели так:

- 1) 5; 6; 6; 7; 10; 10; 10; 10 - среднее 8
- 2) 8; 8; 8; 10; 18 - среднее 10,4
- 3) 6; 8; 10; 14; 15 - среднее 10,6
- 4) 4; 5; 6; 6; 8; 8; 9; 9; 11; 12; 12; 13; 14; 14; 14; 14; 14; 22 - среднее 10,8

Средние значения, казалось бы, подтверждают известную прямую зависимость крестьянского благосостояния от населенности двора [7], но следует признать, что представленные ряды слишком коротки да и число едоков в дворах одной имущественной группы было слишком различно. Ясно, что населенность двора была не единственным и даже не главным условием хозяйственного благополучия крестьянской семьи.

Степень выживания членов когорт 1811, 1831, 1851 гг. также не обнаруживает связи с уровнем достатка семьи. Только в когорте 1871 г. заметна большая выживаемость (69% vs 50%) в состоятельных семьях.

Имущественное положение семей членов когорт практически не влияло и на рождаемость и детскую смертность. Сопоставление числа детей, переживших 15-летний возраст, с числом зарегистрированных (крещенных) новорожденных в семьях членов когорт дает следующие показатели в имущественных группах всех когорт: 1) 69 %, 2) 69,4%, 3) 64,5%, 4) 67,1%. Выживаемость во всех социальных группах по когортным годам: 1811 г. - 55,5% выживаемости, 1831 - 60,9%, 1851 - 82% и 1871 - 67%. Поэтому не имущественное положение члена когорты, а общий социальный, экономический, медицинский, культурный прогресс положительно влиял на детскую выживаемость.

В начале XX в. около 60% крестьянских детей умирало в возрасте до 15 лет. Дети в М.Пупках не были в два раза здоровее сверстников в других селах, и единственной причиной высоких показателей выживаемости являлось то обстоятельство, что свя-

щенниками не учитывались младенцы, умершие до крещения в первые дни жизни, мертворожденные, выкидыши. На рубеже XIX-XX вв. только мертворожденные и выкидыши в поздние сроки беременности составляли в Тамбовской деревне не менее 28% родов, поэтому зарегистрированные составляли не более 65-70% реально родившихся.

Крестьяне М.Пупков не располагали эффективными средствами контроля за рождаемостью и планирования семьи. Традиционному крестьянскому идеалу соответствовала многодетная семья. "Он богатый - у него три сына", - говорили в деревне. Но тяжелый труд, плохое питание, низкая санитария и отсутствие квалифицированной медицинской помощи в сочетании с названной традицией крайне отрицательно влияли на здоровье женщин и детей, формируя структуру семьи независимо от уровня крестьянского благосостояния. Это можно увидеть из следующей таблицы:

Таблица 1

Возраст матери во время последнего зарегистрированного рождения ребенка	Число зарегистрированных рождений	Соотношение по полу (м/ж) из числа выживших детей	Пол последнего выжившего ребенка	Год когорты	Имущественная группа
1	2	3	4	5	6
20 умерла в 21 г.	1	1 ж	ж	1871	4
21	2	1 м / 1 ж	ж	1851	1
21	2	1 м / 1 ж	ж	1851	1
26	1 м	0	0	1871	4
26	1	1 ж	ж	1871	4
27	1	1 м	м	1871	4
28	2	1 м	м	1871	4
31	4	3 м	м	1871	4
31	3	3 ж	ж	1851	4
33	5	2 м / 2 ж	м	1851	1
35	8	4 м / 1 ж	м / ж	1871	4
36	8	1 м / 4 ж	ж	1871	4
36	6	2 м / 2 ж	м	1871	4
37	5	3 м / 1 ж	м	1851	2

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6
37	7	2 м / 4 ж	ж	1831	4
37	6	3 м / 1 ж	м	1871	4
37	7	3 м / 1 ж	м	1831	4
38	6	4 м / 1 ж	м	1831	1
38	4	1 ж	ж	1871	1
39	11	6 м / 3 ж	м	1871	2
39	11	2 м / 2 ж	ж	1811	3
40	7	3 м / 2 ж	ж	1811	1
40	7	4 м / 1 ж	м	1831	2
40	7	1 м / 2 ж	ж	1831	2
40	6	3 м / 1 ж	м	1831	2
40	6	1 ж	ж	1831	4
40	8	3 м / 2 ж	м	1871	4
41	9	5 м / 3 ж	м	1871	3
42	12	5 м / 1 ж	м	1871	1
46	9	2 м / 3 ж	ж	1851	3

Приведенные данные свидетельствуют, что в семьях членов когорты женщины старались родить и выходить как можно больше детей. Выживание определяло структуру конкретной семьи. Детородный период здоровой женщины заканчивался в 40-41 год (а не в принятые демографией 45 лет), что связано с длительным грудным вскармливанием и выработкой в организме женщины пролактина. Окончание рождений в возрасте до 35 лет говорило, скорее, о проблемах здоровья конкретной женщины, чем о сознательном контроле за рождаемостью. Очень длительные интервалы между зарегистрированными рождениями объясняются большим количеством неучтенных беременностей и реальных родов и вряд ли доказывают сознательный контроль за рождаемостью. Наконец, имущественное (социальное) положение семьи члена когорты не влияло на число родившихся и выживших детей по крайней мере до начала XX в.

Крестьяне считали залогом хозяйственного благополучия, в большую семью с оптимальным числом работников. Соответственно, в крестьянских семьях стремились к максимально частому рождению детей и сохранению потомства, особенно, мальчиков, попадавших с возрастом в число "разверсточных душ". Оптимальным показателем в Малых и Средних Пупках, видимо, счита-

лось трое мальчиков на семью, что при среднем душевом наделе в конце XIX - начале XX вв. в 3-4 десятины давало возможность сохранять нормальное для Тамбовской губернии землепользование в 10-12 десятин на хозяйство [8]. В "когортных" семьях родилось 102 мальчика при 75 девочках. Лучший уход за более уязвимыми сыновьями обеспечивал их большую выживаемость (65% против 61% у девочек).

Характерно, что 14 из 20 членов когорты 1871 г., имевших 3-х и больше мальчиков, оставалось жить в родных селах вплоть до 1917 г., а 8 из 14 человек, у которых было мало детей мужского пола, к этому времени выбыли из Малых или Средних Пупок (данных об их смерти на родине нет). Видимо, устойчивую связь с деревней сохраняли семьи, достаточно обеспеченные землей, а те, кто имел мало мужских наделов, вынуждены были искать счастья на стороне. Известно, что две из них в 1915 г. числились находящимися в Сибири и продавшими свои участки в М.Пупках. Но в числе переселившихся в Сибирь числился и Ф.С.Радин, у которого, было трое сыновей. В 1914 г. он ходатайствовал о выделении участка на 4 души размером в 11 дес. 960 кв.сажен, но по каким-то причинам не был удовлетворен [9]. Неоднозначны и данные о том, что только 4 из 9 семей членов когорты 1871 г., которые зафиксированы в М.Пупках по переписи 1917 г., имели 3 и более "разверсточных единиц". Так что наше утверждение о взаимосвязи между числом мужчин в семье и устойчивым проживанием в селе требует дополнительного изучения на более широком материале.

Еще одним традиционным путем пополнения численности крестьянской семьи в России были ранние браки. В сведениях о брачном возрасте членов когорт 1851 и 1871 гг. и их супругов наиболее интересно, что в 1-2 социальных группах старшинство жен над мужьями имело место в 3 из 10 браков, в 3-4 группах - в 13 из 17. Примечательны и данные о возрасте женихов из зажиточных семей: 9 из 12 вступили в брак в возрасте 17-18 лет. Несомненно, что столь ранние браки вершились родителями, а более возрастные невесты рассматривались (у богатых был выбор) как сформировавшиеся для деторождения женщины и дополнительные полноценные работницы.

Сведения о социальном статусе брачных партнеров (9 случаев) недостаточны для категоричных выводов. В 3-х случаях бедным женихам доставались богатые невесты, в 4-х богатые женихи заключали браки с богатыми невестами, в 2-х богатые юноши женились на бедных.

Более существенным был возрастной фактор: в 7 из 9 случаев женихи оказались моложе невест, 6 из которых были из зажиточных семей.

Интересно и сопоставление размеров семей женихов и невест. В 5 случаях больше были семьи юношей, вступающих в брак (2 бедных и 3 богатых), в 4 - численно преобладали семьи невест (все богатые).

Вероятно о желание как бедных, так и богатых семей побыстрее (в связи с подрастанием юношей) пополниться работницами и будущими матерями "дополнительных" детей, а также стремление богатых семей отдать "засидевшихся" дочерей (возможно, лишних "едоков") за молодых женихов. В брачных отношениях крестьян решающую роль играл хозяйственный фактор (пополнение числа работников или сокращение числа едоков), нежели социальный статус брачующихся.

База данных не позволяют полноценно охарактеризовать влияние социальной мобильности членов когорт на их демографические характеристики. Во-первых, это связано с ограниченным числом членов когорт, чье социальное положение оказалось возможным определить. Возможно, однако, выявление направлений и форм социальной эволюции.

В списках для страхования жилых и хозяйственных построек 1903 г. фиксируются двое мужей членов когорты 1831 г. (один из них и отец члена когорты 1871 г.), трое членов когорты 1851 г. и 5 членов когорты 1871 г. Для 7 из этих 10 чел. возможно сопоставление сведений о постройках с данными о хлебных запасах 1880 г.

Для определения социальных категорий членов когорт по стоимости построек вновь использовались результаты обработки крестьянских бюджетов И.Д.Ковальченко [10]: 2-е членов когорт могут быть отнесены к 4 социальной группе, 1 - к 3-ей и 7 - ко 2-ой.

Сравнение социального положения по хлебным запасам и по стоимости построек показало, что у четырех человек произошло снижение социального статуса (у двоих - с 4-ой группы на 2-ую, у двоих - с 3-ей на 2-ую). У одного из членов когорт статус вырос (со 2-ой группы как минимум до 3-ей). У двух - социальная группа сохранилась (соответственно 2-я и 4-я). Хлебные запасы и жилые постройки имели для крестьян разную значимость. Большинство из них довольствовалось традиционной пятистенкой 4х6 м, зачастую независимо от размеров семьи. Так, одинаковые избы имели, семьи Егора Федоровича Капичникова, Николая Назаро-

вича Третьякова, в которых было минимум по семь человек и Тимофей Филиппович Тишков, в семье которого проживало не более 4-х человек.

32-летний Е.Ф.Капичников в 90-е годы выделился из сравнительно большого (в 1880 г. 10 чел.) отцовского домохозяйства и в 1903 г. жил, вероятнее всего, с женой и пятью маленькими детьми. Вряд ли в этом случае имела место особая перенаселенность жилья. Учитывая, что к моменту жилищной переписи в семье были трое сыновей и, следовательно, перспектива получения достаточного надела, правильнее говорить не о снижении социального статуса (у отца была 3-я хлебная группа, у сына - 2-я по стоимости построек), а о временных трудностях становления самостоятельного домохозяйства. Видимо, эти трудности были преодолены: к 1917 г. семья Е.Ф.Капичникова имела 4 "разверсточные единицы" и оставалась жить в селе.

Иная ситуация наблюдалась в домохозяйстве 70-летнего Н.З.Третьякова, которое явно находилось на спаде. В 1880 г. в этом дворе (4 категория по хлебным запасам) насчитывалось 13 едоков, а в 1903 г. с хозяином жили жена, сноха с тремя маленькими детьми и постоянно "наезжавший" из армии сын. Об этих приездах можно судить по частому рождению детей в период службы Николая Назаровича Третьякова (в живых из которых осталось только двое сыновей, один малолетний). Однако в хозяйстве солдат не мог быть нормальной подмогой. По его возвращению со службы, хозяйство, видимо, поднять не удалось. Особых перспектив с землей не намечалось. Неслучайно Н.Н.Третьяков в 1914 г. числился среди тех, кто переселился в Сибирь.

Т.Ф.Тишков так же, как и Н.З.Третьяков, относился по хлебным запасам к 4-й социальной группе, а по стоимости построек - ко 2-ой. Но в этой семье была иная демографическая ситуация. В 1880 г. тишковское домохозяйство было вдвое малочисленнее третьяковского (6 едоков), а к 1903 г. стало еще меньше. У Т.Ф.Тишкова из детей было только трое дочерей, которые к этому моменту, наверное, вышли замуж. Вряд ли в живых был его отец, 1820 года рождения. Предположив невыход замуж одной-двух дочерей или проживание в семье еще кого-то из родственников, получаем численность семьи не более четырех человек, проживание которых в обычном крестьянском доме стоит считать скорее проявлением житейской целесообразности, чем низкого социального статуса.

С другой стороны, имеются факты, свидетельствующие, что состав и стоимость жилых и других построек явно были связаны с социальным положением хозяина. Так, семья Лариона Тарасовича Перегудова в 1880 г., как и семейство Т.Ф.Тишкова, состояла из 6 чел. и относилась по хлебным запасам к 4-ой социальной группе. В 1903 г. в нее входило 7 человек (сам хозяин и сын Дмитрий, член когорты 1871 г., с женой и 4-мя детьми), т.е. на 3 человека больше, чем у Тишкова. Однако Л.Т.Перегудов имел 2 дома, 3 мазанки, значительно больше хозяйственных построек. Его строения были в 3 с лишним раза дороже, чем у Т.Ф.Тишкова.

Особый случай являет семья 70-летнего Василия Назаровича Соколова, которая в 1903 г. имела весьма редкую для Малых и Средних Пупок каменную избу. В 1880 г. это домохозяйство по хлебным запасам относилось ко 2-ой социальной группе, а теперь явно повысило свой статус. Видимо, важную роль сыграл демографический фактор. Взрослыми стали три сына В.Н.Соколова, как минимум один из которых проживал с отцом и помогал держать "крепкое" хозяйство, являвшееся, к тому же, и перспективным (у Дмитрия Васильевича Соколова, члена когорты 1871 г., было уже четверо сыновей).

Тесное и вместе с тем неоднозначное переплетение демографических и социальных характеристик крестьянских хозяйств отразили материалы о семейном и имущественном положении жителей с. М.Пупки, намеревавшихся в 1913-1915 гг. выделиться или выйти из сельской общины. Эти документы содержат информацию о составе семей, собственных земельных наделах, постройках, "живом" и "мертвом" инвентаре [11]. Выявленные сведения иллюстрируют очевидное преимущество крупных семей с большим числом взрослых мужчин: хозяйства сына члена когорты 1831 г. Василия Лукича Ананьина - 13 человек, 6 мужчин-работников; сыновей члена когорты 1851 г. Михаила и Ивана Давыдовичей Чепрасовых - 11 и 4, члена когорты 1851 г. Василия Васильевича Чепрасова - 12 и 5, члена когорты 1871 г. Осипа Нечаева и его брата Алексея - 16 и 7. Все эти домохозяйства имели значительное количество земли, построек, домашнего скота и при сопоставлении с бюджетами крестьянских хозяйств Пензенской, Симбирской, Тульской губерний могут быть отнесены к 3-4 социальным группам.

Однако, сравнительно высокий социальный статус достигался этими семьями разными путями. Так, В.Л.Ананьин и его жена Авдотья Логиновна в нескольких списках землевладельцев значат-

ся как отдельные собственники. Количество собственной земли у жены было намного больше, чем у мужа (19 с лишним десятин против 1 десятины). Поскольку женщины не получали наделной земли, речь может идти только о частном характере землевладения А.Л.Ананьиной. Таким образом, благополучие данной семьи базировалось на приобретении дополнительной земельной собственности или укреплении в частную собственность наделной земли (ведь в семье было 6 мужчин, а наделной земли в данный момент только 1 дес.). К тому же, В.Л.Ананьин мог остаться владельцем или совладельцем "просянки" и крупорушки, которыми в 1860-70-е гг. владел его дед [12]. В любом случае этот человек сохранил высокий социальный статус, который имел его отец (4 группа по хлебным запасам в 1880 г.).

Братья И.Д. и М.Д.Чепрасовы "держались" на семейной кооперации и только на наделной земле ("приватизированных" или прикупленных земельных участков в документах не отмечено, наемных работников и мощных орудий труда в хозяйстве не было). По сравнению с отцом, который в 1880 г. имел небольшие хлебные запасы (1 социальная группа), сыновья сумели поднять социальный статус семьи как минимум до 3 группы.

Также семейная кооперация лежала в основе процветания семьи Нечаевых. У Осипа Нечаева своих детей не было, он взял приемного сына. Но, сохранив единое, в целом многочисленное хозяйство с братом, прикупив земли (земельная собственность в 68 дес. была явно больше положенной наделной), используя труд трех наемных работников, богатый "живой" и "мертвый" инвентарь, О.Нечаев создал один из самых зажиточных дворов в селе. Нечаевы, как и их отец, оставались в 4 социальной группе.

Хозяйство Василия Васильевича Чепрасова находилось на подъеме благодаря упорному труду хозяина и живших с ним взрослых сыновей. У В.В.Чепрасова было 12 детей. Все 6 сыновей выжили и к 1910-м гг. были в оптимальном трудовом возрасте 30-40 лет. Судя по семейному списку 1915 г., с отцом трудились трое сыновей, один работал на стороне. Хозяйство имело одного наемного работника, 6 лошадей, но бедный технический инвентарь. Можно говорить о преобладании экстенсивного фактора, благодаря которому семья В.В.Чепрасова поднималась вверх. Так, стоимость жилых и хозяйственных построек выросла к 1915 г. по сравнению с 1903 г. в 4 раза. На хуторе, куда семья переселилась, было 2 избы, 6 амбаров, 2 постройки для скота.

Особую роль "экстенсивный фактор" сыграл в судьбе семей Николая Николаевича Третьякова и Андрея Матвеевича Болдырева. К 1915 г. первый, имея всего один душевой надел менее 1 дес., скатился по сравнению с отцом из 4 в 1 социальную группу и уехал в Сибирь. А.М.Болдырев происходил также из "крепкого" хозяйства (в 1880 г. он жил в семье деда из 10 чел., относившейся по хлебным запасам к 3 социальной группе). Однако у него самого родилось только трое дочерей. В 1915 г. А.М.Болдырев на одну мужскую душу имел надел в 4 дес., но сдавал его в аренду и сам хозяйства не вел. Выделив из общины свой участок, он продал его и уехал в Сибирь.

Итак, возможности когортного анализа позволяют видеть несомненную связь демографических и социальных факторов жизнедеятельности крестьянского домохозяйства. Определяющую роль играл первый из них, что соответствует традициям любого аграрного общества. Зажиточными, как правило, становились крупносемейные дворы крестьян, особенно с большим числом мужчин - получателей надельной земли и сильных работников, наиболее нужных в экстенсивном хозяйстве. Устойчивость социального статуса или мобильность отдельных хозяйств по "стратам" крестьянской дифференциации, во многом, зависела от сохранения или пополнения числа работников, особенно, мужского пола.

Изучение физиологических аспектов крестьянской демографии показало, что число рождений детей и их выживаемость в большей мере зависели от здоровья матерей нежели от социального статуса семьи. Изученный материал позволяет предполагать несколько лучшие условия для выживания мальчиков в зажиточных семьях. Более заметно "демографическая политика" просматривается в брачных отношениях. Материалы прихода с. М.Пупки позволяют обоснованно предполагать, что зажиточным дворам легче было раньше женить сыновей или выгодно отдать замуж "засидевшихся" дочерей. Однако ранние браки, большое количество деторождений в сочетании с тяжелым физическим трудом быстро подрывали организмы женщин независимо от социального статуса.

В целом крестьянские семьи рассматриваемого прихода не располагали эффективными средствами планирования семьи. Естественные факторы более социальных влияли на ее структуру.

Перспектива дальнейшего изучения взаимодействия демографических, социальных и физиологических факторов в поведении крестьянства конца XIX - начала XX вв. видится в расширении

этих наблюдений до общеволостного масштаба, а затем в сопоставлении их с аналогичными наблюдениями, основанными на материалах других волостей Тамбовской губернии, других регионов России, зарубежных как традиционных, так и вступивших в индустриальную стадию, обществ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941 / Пер. с англ. Ростов н/Д., 1994.

2. Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф.1049. Оп.3. ДД.242, 263, 284, 302, 342, 410, 486, 566, 643, 723, 886, 975, 1043, 1106, 1195, 1286, 1376, 1462, 1552, 1637, 1713, 1776, 1833, 1834, 1918, 1995, 2136, 2199, 2356, 2454, 2540, 2617, 2706, 2793, 2873, 2970, 3059, 3147, 3248, 3357, 3456, 3550, 3628, 3898, 3995, 4087, 4185, 4288, 4463, 4676, 4922, 5057, 5265, 5669, 5722, 5833, 5891, 5940, 5995, 6062, 6113, 6173, 6327, 6392, 6443, 6501, 6682, 6752.

3. Там же. Ф.149. Оп.1. Д.147. ЛЛ.72-76.

4. Письма из деревни. М., 1987. С.57, 67, 118; Максимов С. Куль хлеба и его похождения. М., 1996. С.79 (первое издание 1873 г.).

5. Сборник стат. сведений по Тамбовской губернии. Т.2. Козловский уезд. Тамбов, 1881. С.69-72.

6. Ковальченко И.Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX - начале XX вв. (по бюджетным данным среднечерноземных губерний // История СССР, 1983. №5. С.54, 63-66; Его же. Методика исторического исследования. М., 1987. С.372-373.

7. Ковальченко И.Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства... С.70-80; Земцов Л.И. Социальная дифференциация бывшего государственного крестьянства Центрально-Черноземного района в конце XIX - начале XX вв. // Социально-экономическая история российской деревни конца XIX - начала XX вв. М., 1980. С.116-136.

8. Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. №6. С.58.

9. ГАТО. Ф.43. Оп.2. Д.6. ЛЛ.17-19.

10. Ковальченко И.Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства... С.63-66.

11. ГАТО. Ф.43. Оп.2. Д.6. ЛЛ.529-540.

12. Там же. Ф.149. Оп.1. Д.14. ЛЛ.50-51; Д.73. Л.131а.